

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
ОМСКИЙ ФИЛИАЛ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРОЛОГИИ
СИБИРСКИЙ ФИЛИАЛ

ЭТНОГРАФО- АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ

**Проблемы культуры
и социума**

ТОМ 9

**Омск
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ "НАУКА"
2006**

Утверждено к печати Омским филиалом Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН и Сибирским филиалом Российского института культурологии Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ.

Э 91 **Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума.**
– Омск: ООО "Издательский дом «Наука»", 2006. – Т. 9. – 338 с.

Книга представляет собой девятый том серии "Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума". В нем продолжено рассмотрение методологических, теоретических, историографических и методических проблем интеграции археологических и этнографических исследований, опубликованы материалы для конструирования интегрированных многокомпонентных социокультурных этнографо-археологических комплексов народов Сибири XVII–XX вв., сообщения о научных конференциях и других научных мероприятиях, связанных с проблемами этноархеологии.

Предназначена для археологов, этнографов, историков, искусствоведов, религиоведов, а также для краеведов и всех интересующихся проблемами социальной и этнической истории и культуры народов России.

The ninth volume of the series "Ethnographic-archaeological complexes: the problems of culture and socium" consists of four sections.

The examenations of methodological, theoretical, histiriographical and methodical problems of integration ethnographo-archaeological researching are continies in it. There are the publication of the materials for constructing integrated polycomponent sociocultural ethnographo-archaeological complexes of the Siberian peoples of XVII–XX centuries and reports about conferences and other scieticif events connected with the problems of ethnoarchaeology.

The book is intended for archaeologists, ethnographers, historians, artand religion scholars, as well as for specialists in local history and all those interested in ethnic history and culture of the people of Russia.

УДК 902+36
ББК 63.4–63.5

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 05–06–80470.

РЕЦЕНЗЕНТЫ

доктор исторических наук В.И. Матющенко
кандидат исторических наук Б.А. Конилов
кандидат исторических наук Т.Б. Смирнова

ISBN 5–98806–057–6

© Омский филиал Объединенного института истории,
филологии и философии СО РАН, 2006
© Российская академия наук, 2006

⁶⁰ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. – Смоленск, 1995. – С. 203–204.

⁶¹ Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. – М., 1995.

⁶² Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. – М., 1994. – С. 165.

⁶³ Там же. – С. 175.

⁶⁴ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. – М., 2000. – С. 28, 29.

⁶⁵ Соболев А.Н. Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям. – СПб., 2000. – С. 88.

⁶⁶ Бороодовский А.П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. – Новосибирск, 2002. – С. 94.

Л.Д. Макаров, С.Е. Перевощиков

НОВЫЙ ХРИСТИАНСКИЙ МОГИЛЬНИК ПЕРИОДА РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ УДМУРТСКОГО ПРИКАМЬЯ

Русские православные могильники XVII–XVIII вв. редко становились объектами научного исследования. Исключением здесь являются, пожалуй, памятники, обнаруженные попутно, при исследовании поселений. Относится это и к территории Прикамья, где подобным образом выявлены и раскапывались следующие могильники: Подчуршинский (исследован в 1865 г. П.И. Лерхом – 15 погребений; в 1987 и 1988 гг. Л.Д. Макаровым – 17), Орловский (Л.М. Еговкина, 1957 г. – 3 погребения; Л.П. Гуссаковским, 1960 г. – 19; Л.Д. Макаров, 1976 г. – 3; Н.Е. Соколова, 1999 г. – 3); Никульчинский II (Л.Д. Макаров, 1979, 1981 гг. – 31); Котельничский (Л.Д. Макаров, 1982 г. – 110); Благодатский (Т.К. Ютина, 1981, 1982 гг. – 21); Спасский (И.Г. Шапран, 1983 г. – 10); Михайловский (Л.Д. Макаров, 1996, 2001 гг. – 12) и некоторые др.¹. Лишь в последние десятилетия интерес к этим памятникам усилился, что связано с изучением памятников периода русской колонизации Сибири в рамках этноархеологических исследований и охранными раскопками в Центральной России.

Зуево-Ключевской III могильник, расположенный на территории д. Зуевы Ключи Каракулинского района Удмуртской Республики, на берегу залива, образованного при поднятии вод Нижнекамского водохранилища, также был открыт случайно, при исследовании другого памятника (рис. 1: 1)*.

В 1995–1996 и 1998 гг. отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции исследовался Зуево-Ключевской I (Зуевский) могильник ананьинского времени². Памятник был открыт и, как считалось, полностью исследован А.А. Спициным еще в 1898 г.³. Могильник располагался на месте более древней стоянке эпохи бронзы⁴. Работы на памятнике возобновились в 1995 г. после обнаружения при строительных работах погребения ананьинского времени⁵. Всего было изучено 12 погребений, относящихся к Зуево-Ключевскому I могильнику. Таким образом, общее количество погребений, исследованных разными авторами, составило 230. В процессе работ был найден и более поздний могильник. Захоронения этого некрополя располагались в северо-западной части раскопа. Возле д. Зуевы Ключи уже было известно два могильника – Зуево-Ключевской I (Зуевский) могильник ананьинского времени и Зуево-Ключевс-

* Рисунок к статье см. на с. 173–176.

кой II, состоящий из погребений трех эпох – бронзы, позднего ананьино и позднего средневековья, расположенный на площадке Зуево-Ключевского I городища и раскопанный В.Ф. Генингом и Л.И. Ашихминой в 1971–1972 гг.⁶ Учитывая большой хронологический разрыв между ананьинским временем и XVII в. (датировка позднего могильника), было решено именовать эти захоронения Зуево-Ключевским III могильником. Одной из особенностей могильника следует считать отсутствие о нем сведений как письменных, так и устных – никаких преданий о существовании на месте деревни христианского кладбища у местного населения не сохранилась, нет сведений и о наличии здесь церкви или часовни, около которых чаще всего и располагались кладбища. Следует отметить, что погребения на могильнике в основном детские. Такое положение, когда детей хоронили обособленно, на отдельном кладбище или на каком-либо его участке, хорошо известно в Прикамье и в сопредельных регионах. Вспомним коми-пермяцкие некрополи: Русиновский могильник, расположенный в верховьях Камы в Афанасьевском районе Кировской области, где В.А. Кананиным изучены 53 детских захоронения XVIII–XIX вв.⁷, или Пешнигоротский могильник на р. Иньве в Кудымкарском районе Коми-Пермяцкого автономного округа, на котором Н.А. Лещинская исследовала более 20 детских захоронений (раскопки 1998 г.). По русским могильникам такой закономерности нет – детские захоронения всюду преобладают, но о локальной их концентрации на кладбищах говорить не приходится. Очевидно, аналогичная ситуация вскрыется и в данном некрополе по мере его дальнейших раскопок.

Исследуемый нами памятник (всего на одной площадке, как уже выше указывалось, находилось три разновременных объекта) расположен на территории д. Зуевы Ключи на берегу залива Нижнекамского водохранилища, занимая террасу высотой до 6 м. Площадка террасы ранее была застроена деревенскими домами, хозяйственными строениями и овощными ямами, а также силосными ямами животноводческой фермы. При подготовке к затоплению водами Нижнекамской ГЭС все сооружения были снесены, что способствовало еще большему разрушению археологических объектов. В настоящее время площадка занята огородами, активно размывается водами водохранилища и разрушается новыми строениями (рис. 1: 3).

Описание погребений

При описании могильных ям были опущены такие параметры, как вертикальные стенки, плоское дно и заполнение могильных ям – красно-коричневая глина – общие для всех исследованных погребений. Необходимо также отметить наличие над погребениями балласта мощностью до 150–180 см, образовавшегося в процессе жизнедеятельности деревни, что и обусловило глубокий уровень фиксации.

Погребение 1А* (уч. ГД/5) (рис. 2: 1–2). Могила зафиксирована на уровне 170 см**, ориентирована по линии запад – восток с небольшим отклонением к северу. Она имела прямоугольную в плане форму с несколько зауженным восточным концом, размеры 80 × 30 см. Максимальная глубина погребения 182 см. На глубине – 175 см был расчищен костяк плохой сохранности, судя по которому умерший был уложен вытянуто на спине, головой на запад. Руки согнуты в локтях и уложены на пояс. На костяке и под ним был зафиксирован древесный тлен мощностью 0,2–0,4 см, размерами 45 × 12 см. В 30 см к северу от погребения был найден медный нательный крестик, попавший туда, вероятнее всего, при расчистке костяка.

* Нумерация могил дана в соответствии с отчетами, литерой А обозначены погребения Зуево-Ключевского III могильника.

** Все глубинные измерения проведены от современной поверхности.

Погребение 2А (уч. Б/4–5) (рис. 2: 3–4). Могильная яма прямоугольной в плане формы была зафиксирована на уровне – 165 см. Она была ориентирована по линии северо-запад – юго-восток, имела размеры 151 × 60 см и максимальную глубину 245 см. На уровне – 230 см появились остатки достаточно хорошо сохранившегося костяка, но, несмотря на то что кости лежали в анатомическом порядке, у погребенного отсутствовали некоторые кости рук (предплечий и кистей) и ног (стоп). Умерший лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. В области груди, в кожаном мешочке, находился медный нательный крестик. Под костяком расчищен древесный тлен толщиной 0,2–0,4 см, размерами 63 × 18 см.

Погребение 3А (уч. ВГ/5) (рис. 3: 1). Могила зафиксирована на уровне – 160 см, ориентирована по линии юго-запад – северо-восток, имела прямоугольную форму и размеры 95 × 55 см, при максимальной глубине 201 см. На уровне – 190 см был зафиксирован костяк хорошей сохранности. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад, руки согнуты в локтях и уложены на пояс. Под погребенным расчищено пятно древесного тлена толщиной 0,4–0,6 см, размерами 58 × 14 см.

Погребение 4А (уч. Г/5–6) (рис. 3: 2). Могила зафиксирована на уровне – 160 см. В плане имела близкую к овалу форму, размеры 95 × 55 см, максимальную глубину 250 см. Ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. На глубине 242 см был обнаружен костяк хорошей сохранности. Умерший лежал вытянуто на спине, руки уложены вдоль тела. Был расчищен древесный тлен толщиной 0,4–0,6 см, размерами 61 × 24 см.

Погребение 5А (уч. А/6) (рис. 3: 3). Могильная яма, округлой в плане формы, была зафиксирована на уровне – 180 см. Имела размеры – 80 × 75 см, при максимальной глубине 210 см. На уровне – 206 см был расчищен костяк плохой сохранности. Умерший был уложен на спине, головой на запад. Руки, вероятно, согнуты в локтях и уложены на пояс. Под умершим находился древесный тлен толщиной 0,3–0,5 см, размерами 50 × 20 см.

Погребение 6А (уч. Г/4) (рис. 4: 3–4). Зафиксировано на уровне – 190 см. Форма могильной ямы подпрямоугольная, с сильно закругленными углами. Размеры погребения 85 × 46 см при глубине 245 см. Ориентировано по линии север – юг. Погребение перекрывает восточную часть погребения 7А. В придонной части был расчищен хорошо сохранившийся костяк. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на юг. Руки были согнуты в локтях и уложены на грудь, кости голеней перекрещены. В костях грудной клетки с правой стороны был найден медный нательный крестик. Остатки погребальной деревянной конструкции обнаружены не были.

Погребение 7А (взрослого) (уч. Г/4) (рис. 4: 1–2). Зафиксировано на уровне – 190 см. Ориентировано по линии запад – восток. Имело в плане прямоугольную форму, размеры 185 × 70 см, глубину 298 см. Восточную половину перекрывало погребение 6А. При исследовании захоронения был обнаружен костяк хорошей сохранности, умерший лежал вытянуто на спине, головой на запад, руки сложены на поясе. В "головах" и "ногах" было найдено по три железных гвоздя от деревянного гроба, причем остатки поперечных стенок не сохранились, но были прослежены боковые стенки и пятно тлена от днища с левой стороны черепа.

Погребальный обряд

Исследованные погребения Зуево-Ключевского III могильника, несмотря на свою малочисленность, дали интересные результаты.

Погребения на могильнике образуют два слабовыраженных ряда, вытянутых по линии север – юг (рис. 1: 2). Захоронения совершались в ямах, преимущественно под-

прямоугольной формы с закругленными углами (исключение составляет одно погребение, осуществленное практически в круглой яме) со слегка наклонными или вертикальными стенками и плоским дном. Могильные ямы ориентированы по линиям северо-запад – юго-восток, юго-запад – северо-восток, север – юг и запад – восток. Как уже говорилось, почти все захоронения детские (исключение составило погр. 7А). Зафиксированы два вида внутримогильных деревянных конструкций: гроб (сохранились его продольные стенки) и кора дерева, в которую были завернуты умершие дети. Возможно, в одном случае (погр. 6А) имело место мягкое обертывание умершего какой-то тканью. Тип захоронения на памятнике определен как ингумация. Умерших хоронили вытянуто на спине, руки в большинстве случаев согнуты в локтях и уложены на груди или поясе, в одном случае встречены перекрещивающиеся кости голеней. В ориентации костяков, как и в ориентации могильных ям, нет единообразия. Встречается как прозападная ориентация – принятая в христианстве, так и южная. В древности на могильнике существовали какие-то надмогильные сооружения, т. к. зафиксирован только один случай взаимонарушения могил (погр. 6А и 7А). Но в последнем случае умершего младенца, вероятно, подхоронили в могилу взрослого, скорее всего, родственника. Причем между этими событиями прошло не так много времени, т. к. первоначально погребения 6А и 7А фиксировались как одно пятно. Этим, возможно, и объясняется необычная ориентация погребенного – головой на юг. Погребальный инвентарь, как и положено по христианскому обряду, отсутствует. Только в трех погребениях найдены медные нательные кресты, датированные по внешнему виду XVII в.⁸. При этом все они относятся к старообрядческим мужским (рис. 2) или женским (рис. 4), как известно значительно отличающимся от никонианских и в изготовлении, и по оформлению⁹.

Русская колонизация Удмуртского Прикамья началась, если верить письменным источникам (актовый материал и переписи), не ранее второй половины XVI в.¹⁰. Однако археологические исследования показали, что на самом деле выходцы с территории Древней Руси начали осваивать Среднее Прикамье (между реками Вяткой и Чусовой) еще в домонгольское время и после нашествия Батыя, т. е. в XIII–XV вв.¹¹. В настоящее время в юго-восточной части Удмуртии (междуречье Камы и Ижа) известны находки кладов с серебряными монетными слитками – гривнами (д. Быргында и Перевознинская волость) и отдельных предметов (бронзовая булава XI–XIII вв. с Ильнешского (Нырғындинского I) городища, змеевик XIV в. близ с. Малая Пурга). Отрядом И.Г. Шапран в верховьях р. Большая Сарапулка обнаружено Пуроможгинское селище с древнерусской керамикой XIII–XIV вв. В 1970–1972 гг. древнерусский комплекс был выявлен в ходе раскопок Зуево-Ключевского I городища под руководством В.Ф. Генинга. Обнаруженные здесь медные и железные предметы, а также два десятка хозяйственных ям и располагавшиеся неподалеку позднесредневековые захоронения были датированы XVI–XVIII вв. Однако более тщательный анализ находок и особенностей погребального обряда позволили уточнить датировку комплекса и отнести его к XIV–XV вв. После включения территории Среднего Прикамья в состав Русского государства со второй половины XVI в. начинается освоение данного региона русскими поселенцами. Одним из памятников этого времени и является Зуево-Ключевской III могильник, оставленный, если судить по старообрядческим крестам, русскими старообрядцами во второй половине XVII в., проживавшими в расположенной здесь же д. Зуевы Ключи. К сожалению, русские поселенческие остатки, обнаруженные на соседних селищах, немногочисленны и датируются в целом широко – XVI–XIX вв., что пока не позволяет установить время возникновения исследуемого здесь комплекса.

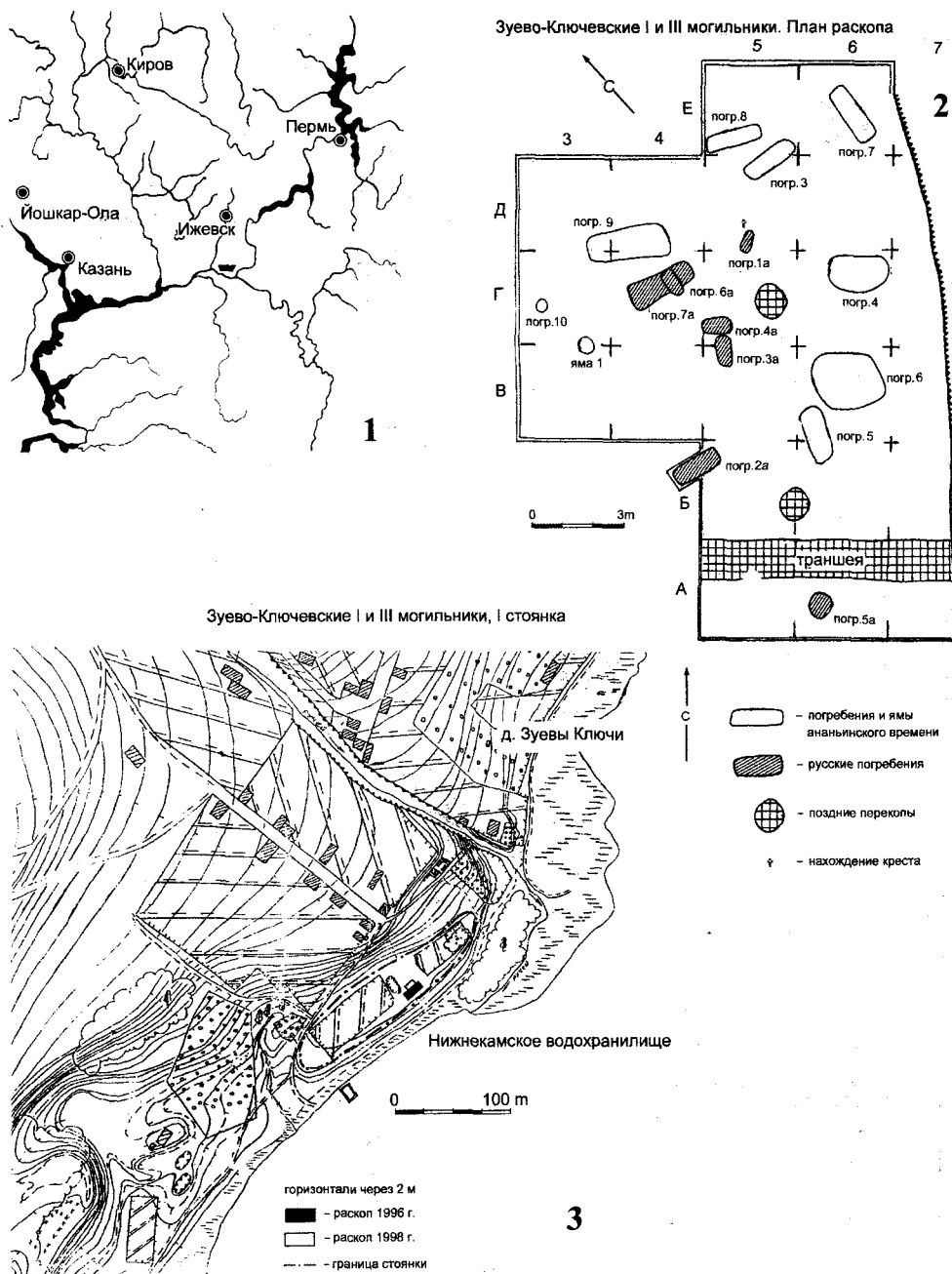

Рис. 1. Зуево-Ключевской III могильник, XVII в. н. э. Цифрами обозначены: 1 – местонахождение могильника, 2 – план раскопа, 3 – топографический план участка работ

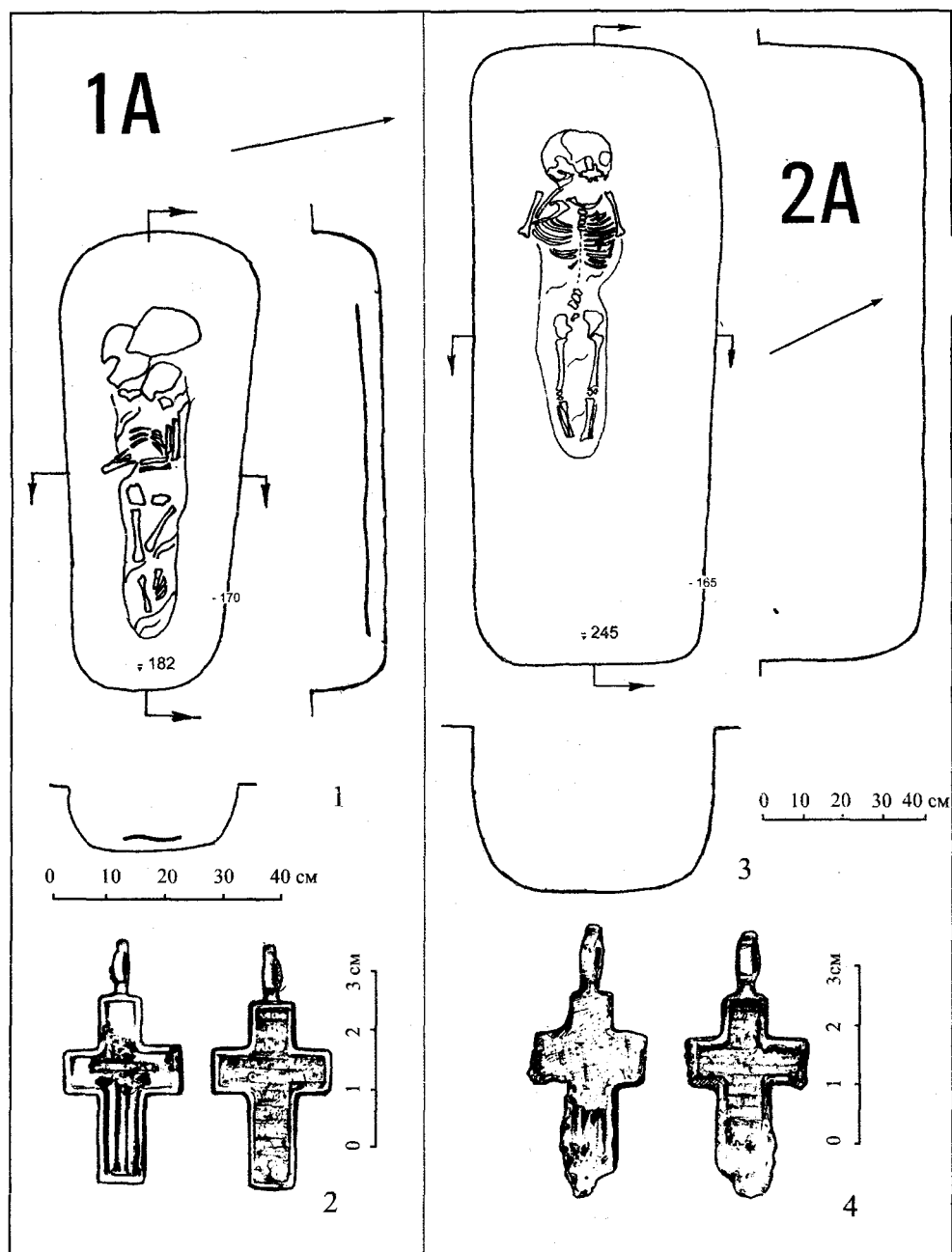

Рис. 2. Зуво-Ключевской III могильник. Цифрами обозначены:
 1 – погребение 1А на участке раскопа ГД/5, план и разрезы; 2 – мужской нателный крест из погребения 1А, медь; 3 – погребение 2А на участке Б/4–5; 4 – мужской нателный крест из погребения 2А, медь

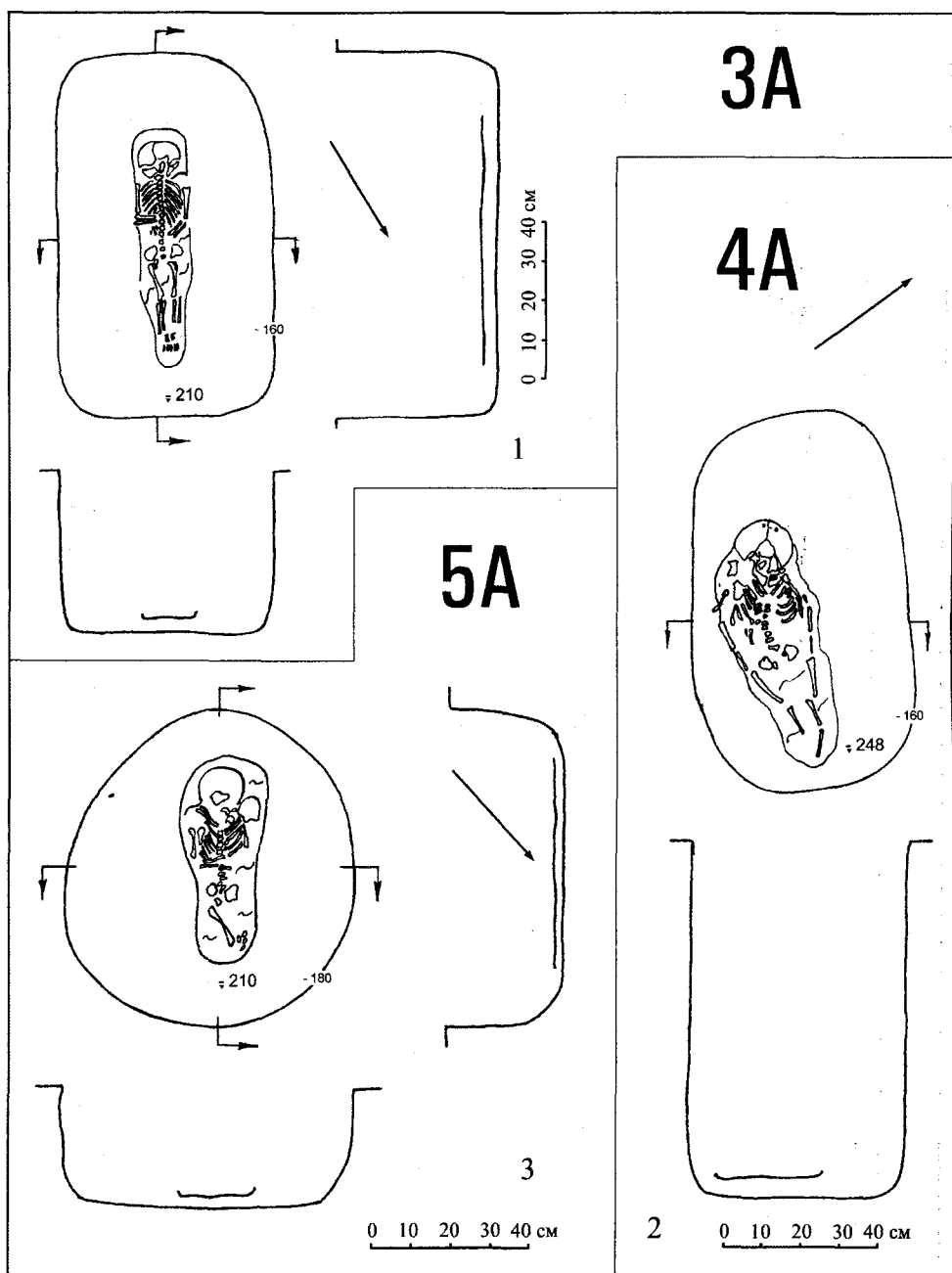

Рис. 3. Зуево-Ключевской III могильник. Цифрами обозначены:
 1 – погребение 3А на участке раскопа ВГ/5; 2 – погребение 4А на участке раскопа Г/5–6;
 3 – погребение 5А на участке раскопа А/6. Планы и разрезы

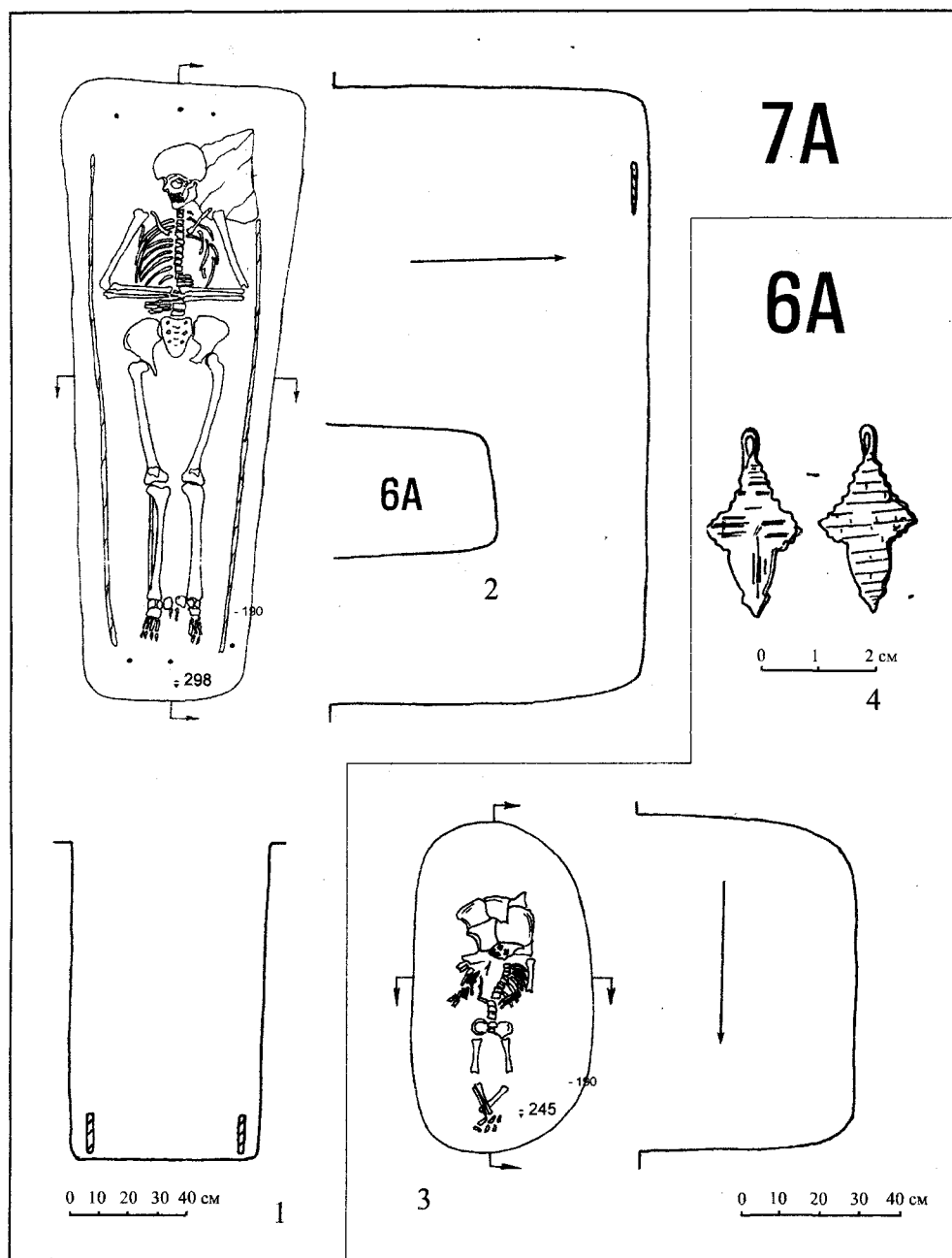

Рис. 4. Зуево-Ключевской III могильник. Цифрами обозначены:
 1 – погребение 7А на участке раскопа Г/4, план и разрез; 2 – взаимоотношение ям погребений 7А и 6А; 3 – погребение 6А, план и разрез; 4 – женский нательный крест, медь

Примечания:

¹ Макаров Л.Д. Погребальные памятники русского населения Вятской земли (XII–XVIII вв.) // Взаимодействие древних культур Урала. – Пермь, 1990. – С. 63–73.

² Перевоицков С.Е. Отчет о работах в Каракулинском районе Удмуртской Республики в 1995 г. (исследования Зуево-Ключевского II поселения). Архив Института истории и культуры народов Приуралья (ИИКНП). Ф. 2. Д. 324; Он же. Отчет о работах в Каракулинском районе Удмуртской Республики в 1996 г. Исследования Зуево-Ключевских I и III могильников и стоянки. Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 333; Он же. Отчет об археологических раскопках Зуево-Ключевских поселений и могильников, проведенных в 1998 г. в Каракулинском районе Удмуртской Республики. Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 372.

³ ОАК за 1898. – СПб., 1901. – С. 43–44.

⁴ Худяков М.Г. Зуевский могильник // Изв. ГАИМК. – Л., 1933. – Вып. 2. – С. 5–14.

⁵ Перевоицков С.Е. Отчет о работах в Каракулинском районе Удмуртской Республики в 1995 г. (исследования Зуево-Ключевского II поселения). Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 324.

⁶ Генинг В.Ф. Новый могильник сейминско-турбинского типа в Удмуртском Прикамье // Памятники древнейшей истории Евразии. – М., 1975. – С. 211–220.

⁷ Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск, 1989. – С. 120–121.

⁸ Ханенко Б.И. и В.Н. Древности русские. Кресты и образки. – Киев, 1899. – Вып. I. – С. 24. Табл. X–125; Они же. Древности русские. Кресты и образки. – Киев, 1900. – Вып. II. – С. 25. Табл. XXXII–357; Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. – М., 1999. – С. 326–360. Рис. 7 – 5; 17 – 1, 2; Чернов С.З. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже (по данным археологических исследований 1997–1998 гг.) // РА. – 2000. – № 1. – С. 63–81. Рис. 2 – 4, 5.

⁹ Гнутова С. "Крест святой, надежда искупления моего..." // Творчество. – 1990. – № 12. – С. 24–27.

¹⁰ Гришкина М.В. Роль русского крестьянства в заселении Удмуртского Прикамья в XVII–XVIII вв. // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. – Чебоксары, 1982. – С. 52–54.

¹¹ Макаров Л.Д. Древнерусские памятники южных регионов Вятского края // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сб. науч. и метод. тр. – Н/Новгород, 1999. – С. 124–130; Он же. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв.: Учеб. пособие. – Ижевск, 2001. – С. 32. Рис. 83; Он же. О древнерусских памятниках Среднего Прикамья // Проблемы межатнических взаимодействий в сопредельных национальных и административных образованиях (на примере региона Среднего Прикамья): Тез. докл. конф. – Сарапул, 1997. – С. 80–82.